

РСТ

РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ III

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ III

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2007

ББК 80
Р 88

Издается по поручению
Президента Российского союза германистов
А. В. Белобратова (С.-Петербург)

Редколлегия:

Н. С. Бабенко, А. В. Белобратов (отв. редакторы), *Н. А. Бакиш,*
В. М. Бухаров, А. И. Жеребин, В. Г. Зусман, Д. Кемпер, И. Н. Лагутина,
Н. С. Павлова, Е. В. Плисов

Р 88 Русская германистика: Ежегодник Российского
союза германистов. Т. 3. — М.: Языки славянской
культуры, 2007. — 472 с.

ISBN 5-9551-0189-6

В настоящую книгу включены тексты докладов третьей конференции Российского союза германистов «Национальное варьирование немецкого языка и специфика литератур Австрии, Германии, Люксембурга и Швейцарии», на которой были представлены исследования отечественных и зарубежных литературоведов и лингвистов. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Большая часть статей данного ежегодника отражает тематику, связанную с осмыслением современных проблем изучения характера и особенностей национального варьирования немецкого языка и литератур немецкоязычных стран. Ежегодник дает представление о теоретических основаниях и актуальных направлениях современных исследований в области национального варьирования и форм его проявления в немецком языке и художественной культуре.

ББК 80

ISBN 5-9551-0189-6

© Авторы, 2007

© Языки славянской культуры, 2007

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
-------------------	---

Литературоведение

<i>Г. В. Стадников.</i> Немецкое в русской литературе XVIII века	13
<i>Dirk Kemper.</i> Nationale Differenz vor der Ausdifferenzierung nationaler Literaturwissenschaften: Goethes Konzept der Weltliteratur als Res publica litteraria der Moderne	20
<i>И. Н. Лагутина.</i> «Deutschland? Aber wo liegt es?...»: культурный, национальный и политический дискурс в эстетике веймарского классицизма 1790-х годов	42
<i>В. А. Аветисян.</i> Концепция мировой литературы Гёте в оценке отечественной критики.....	56
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> Гёте и Шиллер: единство противоположностей	66
<i>Н. М. Ильченко</i> Немецкая литература в московских периодических изданиях 30-х гг. XIX века	74
<i>Ф. Х. Исапова.</i> М. М. Бахтин и А. В. Михайлов о художественном видении Гёте (на материале поздней лирики).....	83
<i>Е. Г. Бурова.</i> Немецкая романтическая лирика в исследованиях А. В. Михайлова.....	91
<i>Н. К. Александрова.</i> Пародии на тему Фауста в литературе Австрии XIX века	96
<i>Е. Р. Кирдянова.</i> Изучение творчества Теодора Шторма в западном и отечественном литературоведении.....	102
<i>Г. А. Лошакова.</i> Австрийская классика XIX века (Ф. Грильпарцер, А. Штифтер) в освещении советского и российского литературоведения	110
<i>А. И. Жеребин.</i> Вена versus Берлин: спор о модернизме на фоне петербургского мифа	119
<i>Ю. Л. Цветков.</i> Интегративное пространство литературы венского модерна	129
<i>Б. А. Хвостов.</i> Актуальность Петера Альтенберга (к столетию книги «Prödigmöß», 1905)	138
<i>А. В. Елисеева.</i> Австриец и «божественный ребенок» (восприятие австрийского в эссе Гуго фон Гофмансталя)	148

<i>Е. А. Сакулина</i> . Полифонические принципы контрапункта и вариативности в поэзии Георга Тракля.....	157
<i>Т. А. Кухаренок</i> . Дневник и его автор: автопортрет в эстетической системе личного дневника Альмы Малер-Верфель.....	162
<i>М. В. Жукова</i> . Немецкоязычная фантастика 1900-х гг. в отечественном литературоведении и периодике XX века.....	171
<i>В. Д. Седелъник</i> . Генеалогия дадаизма.....	177
<i>А. Е. Лобков</i> . Мотив «насекомого» в новелле «Превращение» Франца Кафки: от внутренней формы к смыслу.....	187
<i>А. В. Ерохин</i> . Российская германистика в эмиграции: журнал «Германославика» и его русские авторы.....	197
<i>В. А. Пронин</i> . Кафка, Солженицын и шестидесятники.....	208
<i>И. М. Мельникова</i> . Й. Бобровский об «ангажированной» поэзии.....	215
<i>Т. Н. Андреюшкина</i> . Вариативность формы в немецком сонете.....	224
<i>Т. М. Денисова</i> . Творчество И. С. Тургенева в оценке писателей ГДР 80-х годов XX века (А. Штольпер, У. Грюнинг).....	233
<i>Т. В. Кудрявцева</i> . Немецкая поэзия 1990-х годов: движение «сошел бит» и поэзия «слэм».....	242
<i>С. Н. Аверкина</i> . Современные театральные постановки по произведениям Т. Манна в освещении отечественной критики (1991—2005).....	251
<i>Konstanze Fliedl</i> . Elfriede Jelinek im Abseits. Zur Nobelpreisrede.....	260
<i>А. А. Волский</i> . О теории имманентной интерпретации в литературной герменевтике (о развитии герменевтики в швейцарской германистике).....	273

Лингвистика

<i>Ulrich Ammon, Sara Hägi</i> . Nationale und regionale Unterschiede im Standarddeutschen und ihre Bedeutung für Deutsch als Fremdsprache.....	283
<i>Jakob Ebner</i> . Varietätenlinguistik in der Praxis — Wie das «Variantenwörterbuch» entstand und wie man es anwendet.....	297
<i>Р. С. Аликаев</i> . Актуальные проблемы изучения национального варьирования немецкого литературного языка.....	310
<i>А. Б. Копчук</i> . К вопросу о соотношении регионов с национальными вариантами немецкого языка.....	319
<i>В. Б. Меркурьева</i> . Современная немецкоязычная терминология по национальному варьированию: актуализация проблем.....	329
<i>С. Г. Катаева</i> . От унитаризма к плюрицентризму (лингвистическая дискуссия 80-х годов о статусе немецкого языка в немецкоязычных странах).....	338
<i>Н. Н. Трошина</i> . Национально-культурная обусловленность стилистических средств современного немецкого языка.....	344
<i>З. Е. Фомина</i> . Национально-культурная специфика концептуализации базовых эмоциональных концептов в немецкой, австрийской и швейцарской художественной картине мира.....	349
<i>Р. И. Бабаева</i> . Региональная вариативность разговорных слов и формул речевого общения.....	358
<i>Т. В. Клюева</i> . О словообразовательных особенностях люксембургского узуса немецкого литературного языка.....	367
<i>Н. В. Жарёнова</i> . Варьирование немецкого языка в Швейцарии (на материале экспериментально-фонетического исследования).....	376

<i>О. Л. Нуждина.</i> К вопросу о характере произносительной нормы литературного стандарта в немецкой Швейцарии	386
<i>Н. А. Голубева.</i> Грамматические рефлексы concessivov в немецком и русском языках	395
<i>Э. Б. Яковлева.</i> Просодико-семантическая вариативность вербальной структуры звучащего спонтанного полилога	404
<i>A. W. Iwanow.</i> Ein Verfahren der lexikographischen Beschreibung im Bereich sprach- und literaturwissenschaftlicher Terminologie	411
<i>E. W. Plisow.</i> Sprachstilistische Merkmale des Religionsstils im Deutschen.....	419
<i>Е. В. Шерстюкова.</i> Особенности семантики имен собственных личных.....	429
<i>С. И. Горбачевская.</i> Из опыта работы с австрийской молодежной литературой на занятиях по домашнему чтению (на примере романа Кристины Нёстлингер «Maikäfer, flieg!»)	436
<i>В. И. Провоторов.</i> Концепция «работающего языка» в обучении иностранному языку и переводу	444

Присланная статья

<i>В. Г. Зусман.</i> Литературный текст как дискурс	451
---	-----

Рецензии

<i>Н. С. Бабенко, О. Л. Нуждина.</i> «Драматизм» диалекта. Рец. на кн.: <i>Меркурьева В. Б.</i> Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах. Отношения комплементарности и изоморфизма. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2004	460
<i>В. А. Татаринов.</i> Концептуально новаторский курс лексикологии немецкого языка. Рец. на кн.: <i>Ольшанский И. Г., Гусева А. Е.</i> Лексикология: современный немецкий язык (= Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache). М.: Академия, 2005	464
<i>М. Н. Левченко.</i> Рец. на кн.: <i>Богатырева Н. А., Ноздрина Л. А.</i> Стилистика современного немецкого языка (Stilistik der deutschen Gegenwartssprache): Учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. М.: Академия, 2005.....	468

ОТ РЕДАКЦИИ

Том, который вы держите в руках, свидетельствует о двух важных событиях в пока еще короткой (всего трехлетней) истории Российского союза германистов (РСГ): во-первых, обе его секции — и лингвистическая, и литературоведческая, соединились в своей научной и организационной деятельности, проведя съезд, связанный с общей для двух главных ветвей германистики темой: *«Национальное варьирование немецкого языка и специфика литератур Австрии, Германии, Люксембурга и Швейцарии»*. Для современной науки нет необходимости подчеркивать особое значение совместного осмысления тем, выходящих за пределы одной специализации, и в этом направлении Российскому союзу германистов предстоит еще большая работа. Во-вторых, как и задумывалось изначально, ежегодная встреча русских специалистов в области немецкого языка и литературы немецкоязычных стран прошла не в Москве, а в Нижнем Новгороде, славном своими научными традициями. Такая «децентрализация» важна. Она придает новый импульс исследовательской активности в регионах нашей огромной страны, привлекает молодые силы в университетскую науку.

Данный выпуск «Ежегодника РСГ» составляют в основном материалы докладов, прочитанных на 3-м съезде германистов. Форум прошел 23—25 ноября 2005 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова, на плечи преподавателей и аспирантов которого легли основные организационные заботы. Президиум РСГ благодарит за поддержку этого научного события Немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн) и Австрийский культурный форум при Посольстве Австрии (Москва).

Специфика немецкоязычных литератур в первом разделе тома, в котором статьи расположены в историко-хронологическом по-

рядке, от литературы восемнадцатого столетия к текстам самых последних лет, занимает российских исследователей в нескольких аспектах. Ведущую линию здесь представляет «склонение иностранных текстов на русские нравы» (Г. В. Стадников): изучение русской рецепции литератур Германии, Австрии и Швейцарии, опыт их интерпретации в русле сравнительной германистики, в контексте взаимодействия национальных культурных сознаний (статьи Г. В. Стадникова, В. А. Аветисяна, Н. М. Ильченко, Е. Р. Кирдяновой, Г. А. Лошаковой, М. В. Жуковой, А. В. Ерохина, В. А. Пронина, С. Н. Аверкиной). Тему, связанную с освоением наследия отечественной германистики и подробно представленную в первом томе «Ежегодника РСГ», продолжают Ф. Х. Исапова и Е. Г. Булова на материале научного творчества Александра Викторовича Михайлова. «Встречное» движение занимает Т. М. Денисову в попытке понять роль и место русской классики в литературе ГДР. Вместе с тем, в ряде статей сюжет развернут во «внутринемецкое» пространство: исследователи движутся, к примеру, в «космосе» веймарской классики, выявляя своеобразие взглядов Гёте и Шиллера на проблему национального (И. Н. Лагутина) и уточняя детали их поведения в литературном поле эпохи (Р. Ю. Данилевский). Область стихотворных текстов, их проблематику, поэтику, инновационный импульс и ареалы их бытования рассматривают на материале поэзии XX века Е. А. Сакулина, И. М. Мельникова, Т. Н. Андреюшкина и Т. В. Кудрявцева. В. Д. Седельник очерчивает основные контуры *дадаизма* как исторического понятия в его соотношении с *дада* как «центральным энергетическим принципом», бытийной формулой. Т. А. Кухаренок подвергает анализу дневниковую форму автобиографических текстов Альмы Малер-Верфель, «вдовы четырех искусств», внимательного и небеспристрастного наблюдателя культурной жизни своей эпохи. Изучением литературной топики (в варианте пародирования исходной «устойчивой формулы» — Фауста) и «границ личного почина» (А. Н. Веселовский) в австрийской литературе XIX века занята Н. К. Александрова. В статьях Ю. И. Цветкова, Б. А. Хвостова, А. В. Елисеевой и А. Е. Лобкова внимание сосредоточено на австрийской литературе конца XIX — начала XX века, на том времени, которое у нас часто связывают со становлением «национальной автономности» литературы Австрии на немецком языке, вопреки — или благодаря? — тому, что она обращена к широкому контексту мировой литературы. А. И. Жеребин изучает «новую венскую эстетику» и модернизм «порубежья» в сопоставлении двух литературных столиц — Вены и Берлина — с привлечением «*tertium comparationes*», «петербургского мифа» в его освоении австрийскими литературными «путешественниками». Д. Кемпер из перспективы германского читательского и интерпретационного опыта оценивает попытки дифференциации немецкоязычного литературного пространства, предпринимаемые

германистами России, как более связанные с «внеположенными науке» причинами и особенностями — с «дивергирующей интенсивностью» исторических связей России со странами немецкого языка и даже с воздействием культурно-политической и финансовой поддержки с их стороны, — и обращается к изучению гётевской концепции мировой литературы как «литературной республики модерна». К. Флидль подвергает анализу эссеистический текст, «Нобелевскую речь» австрийской писательницы Эльфриды Елинек, в том числе и на уровне проблематики, связанной с переводами этого текста на другие языки. А. Л. Вольский в историко-методологическом очерке обращается к швейцарской германистике середины XX века в ее наиболее ярких проявлениях (Э. Штайгер и его школа). Статья В. Г. Зусмана представляет собой опыт систематического описания теорий дискурса в их приложении к литературному тексту.

В лингвистическом разделе тома представлены статьи, посвященные, главным образом, проблемам национального варьирования современного немецкого языка и описанию лингво-культурной уникальности его экстерриториальных дифференциаций. Истоки общей теории национального (внешнего) варьирования языков имеют глубокие корни в отечественном языкознании, что стало предметом рассмотрения в статье Р. С. Аликаева. В последние два десятилетия эта проблематика существенно расширилась в результате открытых дискуссий в связи с языковыми ситуациями в странах немецкой речи (статья С. Г. Катаевой). Актуализация проблем национального варьирования немецкого языка отчетливо проявляется в бурном развитии терминологического аппарата данной дисциплины (статьи В. Б. Меркурьевой и А. В. Иванова). При изучении национального варьирования немецкого литературного языка встает вопрос о сложном характере его соотношения и взаимодействия с многообразными формами регионального варьирования как в истории, так и в современности (статья Л. Б. Копчук). Проблемы национального варьирования немецкого языка рассматриваются все чаще не только в аспекте фонетико-фонологических, структурных, лексических и прочих внутриязыковых дивергенций, но и как проявление культурно-специфических различий между немецкоязычными социумами, которые являются носителями традиций и инноваций использования немецкого языка в многообразии его коммуникативных форм (Н. Н. Трошина, Т. В. Ключева, З. Е. Фомина, Р. И. Бабаева, Е. В. Плисов, Н. В. Жарёнова, О. Л. Нуждина).

Первостепенное внимание к национально-культурной специфике языковых средств и методам ее изучения тесно связано с современными задачами преподавания немецкого языка как иностранного. Возможности обучения немецкому языку с опорой на национально-культурную вариологию, не ограниченную шаблонами страноведения, существенно расширились после издания в ФРГ

«Словаря вариантов немецкого языка» — Австрии, Швейцарии, Германии, Лихтенштейна, Люксембурга и Южного Тироля (совместная статья коллег из Германии У. Аммона и С. Хеги). Проблемам лингвистической вариалогии и ее использованию в преподавании посвящена статья немецкого лингвиста Я. Эбнера, одного из составителей «Словаря вариантов». В статьях С. И. Горбачевской и В. И. Провоторова предлагаются авторские методики обучения немецкому языку. Просодико-семантическая вариативность звучащей речи рассматривается в статье Э. Б. Яковлевой. Концессивы в аспекте контрастивной грамматики изучает Н. А. Голубева. Особенностям семантики имен собственных посвящена статья Е. В. Шерстюковой.

Рецензионный раздел нашего Ежегодника представляет некоторые германистические книжные публикации последнего времени. Мы надеемся на активизацию научного обмена мнениями в этой важной публикационной форме, ведь за последние пять лет германисты России выпустили в свет свыше 150 монографий и сборников статей.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Г. В. СТАДНИКОВ

(Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

НЕМЕЦКОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Диалог русского и немецкого имеет давние и глубокие корни. Реализуясь в форме диалектического сопряжения внутренних и внешних сил художественного процесса, диалог этот неразрывно связан с проблемой национального своеобразия литературы-импортера. Подтвердим это положение несколькими тезисами, подкрепляя их конкретным историко-литературным материалом.

Тезис первый касается вопроса, достаточно изученного в науке. Присутствие немецкого в русской культуре и, в частности, литературе было очень значительным. Трудно найти сферу художественной деятельности, где немецкое не давало бы о себе знать. Немецкое присутствует у начал русской драмы, театрального искусства, газетного дела. Оно откликнулось в самых различных жанрах: путевом очерке, историко-публицистических сочинениях, баснях, эпитафиях, любовной лирике, романе. Только за три десятилетия правления Екатерины II (1762—1796) было переведено на русский более 100 немецких романов. В XVIII веке переводились пьесы и басни Лессинга, басни и поэмы Геллерта, стихотворения Эвальда Клейста, «Мессиада» Клопштока, произведения Виланда, Гёте, Шиллера и многое другое¹. Немецкий язык сыграл существенную посредническую роль, благодаря чему в Россию приходили литературные памятники как далекой древности (позднеэллинический роман «Повесть о Кеинге и Афире», «Овидиевы фигуры в 226 изображениях»), так и современные произведения. К примеру, в 1772—1773 гг. в переводе с немецкого Ивана Ситенского выходят на русском два романа Генри Филдинга «История приключений Джозефа

¹ См.: История русской переводной художественной литературы: В 2 т. СПб., 1995—1996.

Эндрюса и его друга мистера Абраама Адамса» (1742) и «Жизнь мистера Джонатана Уайльда Великого» (1743)². На ранних этапах театрального дела в России репертуар пополнялся почти исключительно за счет немецких пьес или переведенных с немецкого пьес французских, итальянских, испанских³.

Немецкое находило свою нишу в сфере образования, техники, в военном деле. Достаточно указать на многообразный профессиональный состав московской «Немецкой слободы» первой четверти XVIII века. Мужское население «слободы» было занято службой в русской армии, торговле, ремесленном производстве, образовании, медицине, архитектуре⁴.

Если теперь еще вспомнить о степени присутствия в русской культуре и литературе французского, то, казалось бы, можно присоединиться к утверждению Николая Сергеевича Трубецкого, содержащемуся в его широко известной книге «Европа и Человечество»: «Весь восемнадцатый век прошел для России в недостойном поверхностном обезьянничании с Европы»⁵. В подтексте данного положения прочитывалась мысль: заимствование есть свидетельство ученичества слабого у более сильного. Еще до Трубецкого это положение в плане общетеоретическом, без конкретной ссылки на Россию, находило место в трудах немецкого востоковеда Теодора Бенфея (1809—1881) и его последователей, трактовавших заимствование как свидетельство отсталости культуры импортера. Если же выйти за границы литературы и обратиться к проблемам более общего характера, то можно вспомнить суждения противников петровских реформ о том, что эти реформы нарушили ход русской истории, разорвали связь между их творцами и русским народом, оставшимся верным коренным принципам Руси (А. С. Хомяков), или идеи «изоляционизма», призыв отделяться от губительных процессов Европы и всемерно развивать национально-самобытное как единственный путь спасения России (К. Л. Леонтьев. «Восток, Россия и славянство»). Все это в конечном итоге означало: заимствование ведет к расчленению национального тела, растрате националь-

² Деяния господина Иоанна Великого, писанная господином Фильдингом. Перевел с немецкого Иван Сытенский. СПб., 1772; Приключения Иосифа Андревса и приятеля его Авраама Адамса, изданная Фильдингом. Перевел с немецкого Иван Сытенский. СПб., 1772.

³ См.: Стадников Г. В. У истоков: немецкая литература в первых русских переводах // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 1. М., 2001. С. 84—93.

⁴ См.: Коеригина В. А. К проблеме взаимовлияния русской и западноевропейской культур в конце XVII — первой четверти XVIII века // Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени. М., 1992.

⁵ Трубецкой Н. С. Европа и Человечество. София, 1920. С. 72.

ных сил, деформации национальных традиций, то есть порождает духовный хаос.

В противовес данным утверждениям предложим второй тезис. Заимствование одной литературы у другой, как правило, свидетельствует не о том, чего еще нет в воспринимающей литературе, а, напротив, о том, что в ней уже есть или назрело, но существует в скрытой форме. В последнем случае заимствование лишь раскрывает внутренние процессы национальной литературы. Усвоение инонационального художественного опыта немислимо без известной предрасположенности к нему воспринимающей среды. Данную идею последовательно развивал в своих трудах А. Н. Веселовский. Еще в пору своей стажировки за границей в отчете за 1863 год Веселовский писал: «Мы часто и много жили заимствованиями, но влияние чуждого элемента всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать. Таким образом, самостоятельное развитие народа, подверженного письменным влияниям чужих литератур, остается нерушимым в главных чертах. Влияние действует более в ширину, чем в глубину, оно более дает материал, чем вносит новые идеи»⁶. Спустя десятилетия в работе «Разыскания в области русского духовного стиха» (1889), формулируя теорию «встречного движения», Веселовский отмечал: «Заимствующий предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречное течение, сходное направление мышления, аналогичные образы фантазии»⁷.

Внимательное изучение художественного процесса XVIII века дает все основания утверждать, что русская литература не следовала и, тем более, не подражала немецкому, да и европейскому в целом. Русская литература активно, творчески осваивала то, что ей было близко, что в ней самой уже созрело, к чему она была внутренне подготовлена. И в XVIII веке, как и в предшествующие века, основой русского литературного процесса была национальная традиция. Литература XVIII века не разорвала свою связь с литературой древнерусской, а была с ней накрепко связана. И Петр I не повернул Россию к Европе, а лишь способствовал ускорению того процесса, который вызревал объективно. Активное включение русской литературы в общеевропейское развитие в XVIII веке было подготовлено всей ее предшествующей историей и, конечно же, веком XVII — как переходным этапом от литературы средневекового типа к литературе Нового времени. Так это было и в других сферах художественной и духовной жизни.

⁶ Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессиональному званию // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Декабрь. Отд. 11. С. 557—558.

⁷ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5. СПб., 1989. С. 115.

Сошлемся на такой пример. Активизация личностного и национального самосознания, возрастание светскости, открытость и рационализм во многих сферах русской жизни приводили к тому, что православная церковь начинала утрачивать ведущую роль в просвещении и культуре. Объективно созревала почва для прихода на Русь реформационных идей немецкого гуманизма. Определенная часть русского общества была готова принять лютеранские идеи. Лишь вследствие этого специфического национального обстоятельства открылась возможность для деятельности в России петровских времен немцев, ревностных проповедников лютеранства — Эрнста Глюка (1652/53—1705) и Иоганна Паузе (1670—1735). Они перевели на русский язык 102 религиозных гимна, чин лютеранской службы. При этом Глюк, ученый и педагог, возложил на себя в России ту же миссию, которую осуществил в Германии Лютер. Он проявил немало стараний, чтобы дать русским Библию на их родном языке⁸. Не немцы привезли лютеранство в Россию, а Россия, где к этому времени было много немцев-лютеран, затребовала эти идеи и готова была их принять.

В той же мере идеи Лейбница, Гумбольдта были востребованы в России в связи с внутренними процессами в сферах идеологических, общекультурных. Глубокие национальные корни имел и классицизм, который отвечал потребностям создания русского общенационального государства.

Знаменательно, что итоговой книгой русского XVIII века стала «История государства Российского» Карамзина, завершенная уже в первых десятилетиях XIX века. Именно Карамзин, особо причастный к художественной культуре Запада, стал автором труда, в котором во всей полноте был раскрыт самобытный характер русского менталитета. Карамзину была известна позиция Гердера о неоспоримой ценности культуры каждой отдельной нации. Но концепция труда Карамзина в своих базовых позициях формировалась на основе изучения русского фольклора, летописей, легенд и, конечно, глубокого постижения национальной истории. Карамзин не следовал за Гердером, но был во многом солидарен с ним. Подобное же можно сказать о Радищеве, Державине, Жуковском, основательно знакомых с трудами Гердера, а годами позже — и Гегеля.

Тезис третий. Присутствие немецкого в русской культуре XVIII века еще раз подтверждает, что заимствование — процесс сугубо избирательный. Характер выбора творческого освоения инонационального источника диктуется спецификой литературного процесса принимающей стороны. В качестве примера сошлемся на русскую судьбу двух значительных творений Гёте времени «Бури и натиска»: пьес «Клавиво» и «Гец фон Берлихинген».

⁸ См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. СПб., 1902.

«Клавиго» был написан в 1774 г. и уже в 1780 г. появился на русском языке в двух изданиях, а 1782 г. был поставлен на сцене Московского публичного театра. И тема пьесы — печальная история добродетельных людей среднего сословия, отстаивающих свою честь и достоинство, и финал — трагическая смерть чувствительной Марии, мстительное ожесточение ее брата, предсмертное раскаяние Клавиго у гроба обманутой им возлюбленной — все это было созвучно столь популярной в те годы литературе сентиментализма. Не случайно, что «Драмматический словарь» (1787) аннотацию на пьесу начинал прямым сближением ее с романом «Страдания юного Вертера». ««Клавиго» — трагедия Гёте, славного немецкого автора, который написал отличную книгу, похвальную повсюду, — «Страдания молодого Вертера»»⁹. «Клавиго» был прочитан как мещанская трагедия, что было так созвучно русскому зрителю и русской театральной культуре. Не случайно, что такой громкий успех имела поставленная в Москве пьеса Лессинга «Мисс Сара Сампсон» (1791). «Драмматический словарь» зафиксировал целый ряд немецких пьес, которые появились на русской сцене. Почти все — комедии или мещанские драмы. К редким исключениям относится трагедия Лессинга «Эмилия Галотти», которая трактовалась в духе тех же «слезных драм»; пьеса должна была вызвать у зрителя слезы, потрясти ужасом финала. Добавим к этому, что учрежденное Екатериной II «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» за годы своей деятельности (1769—1783) сумело издать 173 тома переводов с разных языков. Тематика переведенных текстов была необычно широкой: специальная литература по самым разным областям знания, художественная литература от античности до современности. Переводились и пьесы. Как правило, предназначались они лишь для постановки на сцене. Поэтому пьесы эти не издавались, а в рукописях поступали в театры. Переводчики «Общества» перевели 23 пьесы, из них 22 комедии, одну комическую оперу и ни одной исторической драмы. Таков был запрос театра и зрителя. И следует это объяснить тем, что в русской исторической драме еще устойчиво доминировали каноны классицистической поэтики. В пьесах этого типа была заметно выражена морально-политическая назидательность, патриотическая тема решалась в духе прославления монархического принципа власти, в связи с чем на первый план выдвигался образ мудрого монарха. Процесс отхода от пьес подобного типа наметился лишь в первых десятилетиях XIX века. И именно тогда появился первый русский перевод «Геца фон Берлихингена» (1828), о пьесе заговорила русская критика, обнаружилась определенная общность трагедии Гёте и созданных в это время значительных исторических драм «Борис Годунов» Пушкина и «Марфа Посадница» Н. Погодина.

⁹ Драмматический словарь. М., 1787. С. 68.

Тезис четвертый. Иноязычная литература оказывает воздействие на другую литературу только в форме перевода. Функция иностранного источника, известного в другой стране лишь на языке оригинала, как правило, не выходит за рамки внешних контактов. До тех пор, пока иностранный текст не заговорил на языке принявшей его страны, он остается информационным источником. Этот текст может получить достаточную известность у определенной части читателей, о нем может говорить критика, а в отдельных случаях вокруг него может развернуться дискуссия, но органически войти в иной литературный процесс он не сможет. Время творческого освоения наступает только после появления перевода или переводов, при том, естественно, условии, что данный текст найдет встречный отклик в иной культурной среде. При этом наступлению активного творческого освоения может предшествовать длительный или краткий период пассивного освоения, период внешних контактных связей.

Сошлемся на конкретный пример. Роман Гёте «Страдания юного Вертера» вышел в свет в Германии в 1774 г. Вскоре появился еще ряд немецких изданий. Интерес к книге был очень высок, и на языке оригинала с ней познакомилась и определенная часть русских читателей. Однако это никак не отразилось на русском литературном процессе. В переводе на русский язык «Вертер» впервые был издан в 1781 г., второй раз в 1794 г., а спустя два года, в 1796 г. — с не принадлежащим Гёте добавлением, с «письмами Шарлотты к Каролине, писанными во время ее знакомства с Вертером».

Отметим, что между первым переводом и первым творческим откликом на роман Гёте прошел десятилетний срок. Все это время «Вертер» как бы укоренялся в русской культуре, и уже только после этого начинается активное освоение немецкого романа. Появляется целый ряд оригинальных произведений в стихах и прозе, в которых воспроизводились мотивы и образы романа, но, как правило, в переложении на русские нравы. Это повести А. Клушина «Несчастный М-в» (1793), А. Столыпина «Отчаянная любовь» (1795), князя Д. Горчакова «Пламир и Раида. Росийская повесть» (1796), М. Сушкова «Российский Вертер» (написан в 1792, опубликован в 1801).

Пример «Вертера» далеко не единичный. Подобной же была судьба на русской почве переводов Вольтера, Мерсье, Стерна, Юнга, Томсона, Грея и др.

Подводя общие итоги, можно утверждать, что немецкое, как и французское, было заметным фактором в области русского просвещения, театра, художественной литературы и других сфер культуры. А это означало, что русская культура активно включалась в европейский культурный контекст, но включалась, неизменно сохраняя свою самобытность. И проявлялось это от самого видимого — склонения на русские нравы иностранных текстов, до глубин-

ной интерпретации в духе русских национальных традиций художественного наследия Запада.

Zusammenfassung

Das Deutsche in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts

Der Artikel sucht nachzuzeichnen, welche Bedeutung die deutsche Literatur für die russische Kultur des 18. Jahrhunderts besass. Im 18. Jahrhundert erschienen die Übersetzungen der Werke von Lessing, Wieland, Ewald Kleist, Klopstock, Goethe, Schiller. Das Deutsche sowie das Französische spielte eine gewichtige Rolle in der russischen Aufklärung. Dabei suchte die russische Literatur das national Eigene zu erhalten.

DIRK KEMPER
(RGGU, Moskau)

**NATIONALE DIFFERENZ
VOR DER AUSDIFFERENZIERUNG NATIONALER
LITERATURWISSENSCHAFTEN: GOETHES KONZEPT
DER WELTLITERATUR ALS RES PUBLICA
LITTERARIA DER MODERNE**

I

Nationale Varietäten stellen sich in der literaturwissenschaftlich orientierten russischen Germanistik in ganz besonderer Weise dar. In einer für die deutsche Germanistik ganz ungewohnten Weise präsentieren sich hier in der sogenannten Auslandsgermanistik die österreichische, schweizerische, neuerdings auch luxemburgische Literatur als eigene Nationalliteraturen, und sie behaupten diesen Status zum Beispiel durch von russischen Literaturwissenschaftlern geschriebene Literaturgeschichten. Erklärbar, so scheint mir, ist dieses Phänomen weniger aus wissenschaftsinternen, denn aus wissenschaftsexternen Faktoren, aus der Situation der nicht bundesdeutsch dominierten Germanistik, aus den unterschiedlichen historischen Beziehungen der deutschsprachigen Staaten zur Rußland und der Sowjetunion, vor allem aber aus ganz unterschiedlich strukturierten nationalen Förderstrategien der russischen Germanistinnen und Germanisten.

Ob die Unterscheidung von verschiedenen deutschsprachigen Nationalliteraturen auch aus innerwissenschaftlichen Gründen zu halten ist, wurde in der russischen Germanistik früher schon und dann erneut in den neunziger Jahren intensiv erörtert. Die Krux der Diskussion liegt und lag meines Erachtens darin, daß die Frage auf der Basis des Primärmaterials der literarischen Texte gar nicht zu entscheiden ist, sich vielmehr als Effekt desjenigen Diskurses erweist, der darüber in der Literaturkritik, der Literaturwissenschaft und wohl auch der Kulturpolitik geführt wird. Ob es beispielsweise eine österreichische Nationalliteratur gibt beziehungsweise ab wann, hängt letztlich von Fundamentalannahmen, methodischen Entscheidungen und Begriffsdefinitionen ab, die das Ergebnis einer jeden diesbezüglichen Untersuchung bereits präjudizieren.

II

Wenn nun aber der über Literatur geführte Diskurs über das in Frage stehende Problem entscheidet, macht es Sinn, nach alternativen Diskursen zu suchen, in denen das Nationale nicht als Leitdifferenz fungiert beziehungsweise fungierte. Solche Alternativen finden sich in der Wissenschaftsgeschichte in der Phase, die dem Einsatz der nationalen, bald auch nationalistischen Literaturgeschichtsschreibung im 19. Jahrhundert voranging. Natürlich wurden immer schon die griechische von der lateinischen, später die italienische von der englischen und französischen Literatur unterschieden, in den Diskursen, die ich meine, bildete diese nationale Differenz jedoch noch keine unterschiedlichen Nationalliteraturen aus oder gar Projektionsflächen für Nationalcharaktere, nationale Identitätsfindungen oder gar teleologische Modelle sogenannter nationaler Bestimmungen.

Die Rede ist vom vormodernen Diskursystem der *Res publica litteraria* sowie von Goethes modernem Konzept von Weltliteratur als weltliterarischer Kommunikation.

III

Der Begriff der ‘*res publica litteraria*’¹ hat sich seit dem frühen 16. Jahrhundert als Selbstbeschreibungskategorie für das Kommunikationssystem der europäischen Gelehrten etabliert und beschreibt zunächst nicht das Literatursystem im engeren Sinne, sondern in einem viel weiteren das der wissenschaftlich-gelehrten Kommunikation. Ihre medien-geschichtliche Grundlage hat die *Res publica litteraria* in der Gutenberg-Revolution, ihre ideengeschichtliche im Theorem von der Einheit der Vernunft im europäischen Rationalismus. Zu² dessen Grundvoraussetzungen gehört das Axiom von der Einheit und Unteilbarkeit der Vernunft, sei es als objektive, im Kosmos zweckmäßig wirkende Kraft, sei es als subjektive, in der die objektive Vernunft ihre individuelle Existenz findet³. Die Vernunft ist demnach immer die eine und unandelbare, für alle Menschen in allen Zeitaltern und Kulturen dieselbe. Der einzelne kann wohl in unterschiedlicher Weise an der Vernunft

¹ Vgl. Barner 1984, Barwig 2002, Hammerstein 1987, Jaumann 1987, Jaumann 1997, Jaumann 1998, Weiss 1987.

² Das Folgende nach Kemper 2004, S. 91 f.

³ Vgl. u. a. Spinoza *Eth.* II, prop. XLIV u. coroll. II; *Ethik*, hg. Bartuschat, S. 189, 191: «Es liegt in der Natur der Vernunft, Dinge nicht als zufällig, sondern als notwendig zu betrachten». «Es liegt in der Natur der Vernunft, Dinge unter einem bestimmten Aspekt von Ewigkeit wahrzunehmen». — Auch bei Leibniz (*Monadologie* 29; hg. Herring, S. 39) setzt uns die Vernunft in den Besitz der «Erkenntnis der notwendigen und ewigen Wahrheiten». — Bei Christian Wolf (*Psychol. empiri.* § 275, 483; zit. nach Eisler II, S. 633) ist die Vernunft «*facultas, nexum veritatum universalium perspicendi*».

partizipieren beziehungsweise sie in sich ausbilden, doch bleibt die Vernunft selbst stets allgemein. Der Physiker, Mathematiker, Biologe oder Philosoph in der *Res publica litteraria*, der sich über die in seiner Forschungsarbeit dokumentierte Teilhabe an der Vernunft definiert, liefert mit seinem Werk keine national- oder kulturspezifische Leistung, sondern hat im weiteren Sinne teil an der Selbstausrichtung an der Vernunft, die nicht als nationale Sache, sondern anthropologisch-erkenntnistheoretisch als Menschheitsaufgabe galt. Wissenschaft war keine Sache einer Nation, sondern der Menschheit, *des homo sapiens*. Zwar gab es Zentren der Forschung, konkurrierende Schulen, Ausgrenzungsstrategien unterschiedlicher Art, aber im Wesentlichen keine nationale Differenz.

Entsprechend international sah die Kommunikationsstruktur der vormodernen Gelehrtenrepublik aus. Daß das Lateinische als *lingua franca* noch dominierte, war hilfreich und erleichterte die Kommunikation, bildete aber keine zwingende Voraussetzung für die *Res publica litteraria*. Nicht nur in deren Spätphase wurden nationalsprachig publizierte Beiträge ebenso grenzüberschreitend rezipiert wie in den Phasen der dominierenden Latinität.

IV

Was für das Wissenschaftssystem insgesamt galt, traf auf die Literatur — *mutatis mutandis* — in ebensolcher Weise zu. Zum einen stellte die Literatur noch kein ausdifferenziertes eigenes System dar, war vielmehr integraler Bestandteil dessen, womit sich ein Gelehrter befaßte (s. u. VI). Zum anderen darf annäherungsweise gelten, daß das europäische Literatursystem spätestens seit der griechischen Neoterik ein Grundgesetz ausgeprägt hatte, dessen Gültigkeit erst durch die anti-klassizistischen Tendenzen in der französischen «Querelle des Anciens et des Modernes» Ende des 17. Jahrhunderts fundamental in Frage gestellt wurde. Dieses Gesetz beschreiben die Begriffe 'imitatio' und 'aemulatio'⁴, also die Nachahmung als klassische empfundenen Beispiele sowie der überbietende Wettbewerb mit ihnen. So wie die alexandrinische Dichterschule ihren Erneuerungsanspruch gegenüber der altgriechischen Literatur definierte, verhielten sich auch die ersten lateinischen Epiker gegenüber der griechischen Literatur, verhielten sich die römischen Neoteriker gegenüber diesen, verhielten sich später die volkssprachigen Dichter gegenüber den griechisch-lateinischen Vorbildern.

⁴ Vgl. *Bauer B.*: Art. «aemulatio» // *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* / Hrsg. von Gert Ueding. Bd. 1. Tübingen, 1992. S. 141—187. — *De Rentius D.*: Art. «imitatio» // *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* / Hrsg. von Gert Ueding. Bd. 4. Tübingen, 1998. S. 235—303.

V

Die Wissensform der *Res publica litteraria* war die der 'historia litteraria' oder des Polyhistorismus, der in der Literaturgeschichte seine Entsprechung in der älteren — und deshalb auch so zu schreibenden — Litterärhistorie⁵ hatte. Polyhistorismus und Litterärhistorie bilden die Organisationsformen des Wissens in der Vormoderne⁶, also in einer Periode, die geschichtliches Denken noch nicht dynamisch verzeitlichte, Geschichte noch nicht als teleologische Entwicklungslinie auffaßte oder mit anderen Worten noch nicht über den modernen Begriff der einen Geschichte (im Singular) verfügte, in der sich nach einer wie auch immer bestimmten Entwicklungslogik alles zu einer Erzählung narrativ zusammenschließt. Polyhistorismus und Litterärhistorie verzeichnen vielmehr eine unendliche Pluralität von historischen Fakten oder Geschichten (im Plural) nach dem antiken historiographischen Modell der Annalistik. So wie die Schreiber des römischen Senats in chronologischen Listen Ereignisse des Jahres erfaßten, ohne diesen eine Entwicklungslogik einzuschreiben, ordnen Polyhistorismus und Litterärhistorie Daten und Fakten in einem rein additiven Enzyklopädismus. Eine Wissenschaft blühte in der Vormoderne durch einfache Akkumulation des Gewußten, nicht durch permanente qualitative Selbstüberbietung wie in der Moderne.

In der Litterärhistorie sah dies so aus. 1790 legte der Berliner Geistliche und Philologe Erduin Julius Koch sein *Compendium der Deutschen Literatur-Geschichte von den ältesten Zeiten bis auf das Jahr 1781* vor⁷. Der Begriff der 'Literaturgeschichte' wird hier noch ganz im vormodernen Sinne gebraucht, nämlich als Akkumulation aller Fakten aus dem Bereich der Literatur. Entsprechend gliedert Koch seine «Geschichte» im Hauptteil auch nicht nach Epochen, deren Abfolge irgendeine Art von innerer Entwicklung andeuten könnte, sondern nach Gattungen. Im Kapitel «Satire»⁸ beispielsweise findet sich — wie in anderen Kapiteln auch — vor allem in der Frühgeschichte der Gattung eine Mischung aus lateinischen und mittelhochdeutschen Belegen, die unterschiedslos der «Deutschen Literatur-Geschichte» zugeschlagen werden. Kochs Bemühungen stehen ganz im Zeichen der «Querelle der Nationen» (s. u. VIII): Er will einerseits den Dichtern deutscher Abstammung Beachtung verleihen, andererseits zeigt Koch noch kein Bewußtsein für unterschiedliche Nationalliteraturen. Er geht vielmehr ganz vormodern von der Existenz nur eines Literatursystems aus, das seit der Antike nach dem Grundgesetz von *imitatio/aemulatio* funktioniert. Innerhalb dieses einen europäischen Literatursystems finden sich zwar Beispiele

⁵ Zum Begriff der 'Litterärhistorie' in diesem Sinne vgl. Weimar 1989. S. 107 ff.; Fohrmann 1989, S. 6, speziell zu Koch S. 36—38.

⁶ Vgl. Schmidt-Biggemann 1983, S. 26, 28 u. ö.

⁷ Koch E. J. 1790.

⁸ Koch E. J. 1790. S. 102—161.

aus verschiedenen Sprachen und von Autoren verschiedener Herkunft, doch bildet die nationale Differenz noch keine konkurrierenden Nationalliteraturen aus, vielmehr stehen alle Autoren unverändert im nachahmend-wetteifernd Agon mit den *classici scriptores*.

VI

Die Selbstbeschreibungskategorie des Dichters in der Vormoderne war der seit Humanismus und Renaissance etablierte Begriff des 'poeta doctus' oder 'poeta eruditus', also des gelehrten Dichters oder besser des (auch) dichtenden Gelehrten. Er steht zwischen der antiken Konzeption des 'poeta vates' und der modernen des Künstlers als Genie. Aus mythischem Ursprung leitet die Antike die Vorstellung vom Dichter als gottbegeistertem, prophetischem Sänger und Seher ('vates') her, der nach Platon⁹ Werkzeug und Dolmetscher der Götter ist und nach tradiertem Topos von den Musen inspiriert und bekränzt wird. Diese Tradition kennt die Urheberschaft der Künstler am Kunstwerk noch nicht; der Dichter ist vielmehr nur auserwähltes Medium der Selbstmitteilung des Numinosen, nicht aber 'auctor'; er ist — wie in die christlich-mittelalterliche Terminologie — 'scriptor', ausführende Hand, aber nicht 'Autor'. In diese Tradition — mit der er gleichzeitig schon spielt — stellt sich noch Petrarca als «poeta laureatus», während in Renaissance und Humanismus parallel das vormoderne Konzept des 'poeta doctus' entsteht. Auf die Moderne verweist in diesem Konzept bereits der Anspruch des Dichters, als geistiger Urheber des literarischen Texts ausgewiesen zu sein. Wie diese Urheberschaft jedoch inhaltlich definiert wird, bleibt noch ganz der Vormoderne verhaftet. Dichtung unter der Selbstbeschreibungskategorie des 'poeta doctus' meint die gelehrte Meisterschaft des Ausführenden, sein Expertenwissen auf den Gebieten der Rhetorik, Poetik und Stilistik, die es erlaubt, nach den Prinzipien von *imitatio / aemulatio* mit den kanonisierten Vorbildern der Gattungen zu wetteifern. Die Person des Autors wird also in diesem Konzept sichtbar, ohne daß dessen Persönlichkeit im modernen Sinne schon eine Rolle spielte.

Gerade darin liegt die fundamentale Differenz zum modernen Konzept des Künstlers als Genie. Dieses stellt nämlich in den Vordergrund, was jenes noch gänzlich ausgeblendet hatte, nämlich die Subjektivität und Individualität des Künstlers. In der Moderne dominiert in der Kunst die Funktion der Expressivität, des Selbstaudrucks von Subjektivität und Individualität oder von Schöpferkraft und Erlebniswelt des Dichters als Individuum. Paradigmatisch verdichtet erscheint dieses Konzept in Goethes berühmtem Diktum, alle seine Dichtungen seien «Bruchstücke einer großen Confession»¹⁰. Confession meint Selbst-

⁹ Ion 534 c.

¹⁰ Goethe: Dichtung und Wahrheit II, 7; WA I, 27. S. 110.

bekanntnis, setzt voraus, daß das eigene Selbst als etwas so Wertvolles, Einzigartiges und Mitteilenswertes empfunden wird, daß es zum Hauptgegenstand von Dichtung werden kann. Die künstlerische Selbstbeschreibungskategorie des Genies setzt also mentalitätsgeschichtlich die Entstehung des modernen Begriffs von Individualität voraus¹¹.

Hatten wir festgestellt, daß das Konzept des poeta doctus sich wegen des klassizistisch-europäischen Referenzrahmens gegenüber nationalen Differenzen prinzipiell neutral verhielt, so gilt dies nicht mehr für die Konzepte von Individualität und Genie. In beide geht nämlich zutiefst ein, welcher Kultur der Künstler entstammt, was ihn geprägt hat, als was er sich selbst definiert und wofür er stehen will. So gründet der zeitgenössische Ruhm Lessings oder des jungen Goethe etwa darauf, im Drama zu wahrhaft nationalen Stoffen gefunden zu haben. Wichtiger noch erscheint der Umstand, daß das Genie in seiner Selbstdefinition seine Einzigartigkeit ständig daraus ableitet, daß und wie es sich von anderen Konkurrenten und divergierenden Positionen unterscheidet. Man denke nur an die leidenschaftlichen Ausbrüche des jungen Goethe gegen die französische Ästhetik in seiner Rede *Zum Schakespeares Tag* (s. u. VIII).

All das hat vor 1789 wenig mit Nationalismus im modernen — negativ konnotierten — Sinne zu tun, aber es zeigt, wie nationale Differenz ab 1750 zum ästhetischen Argument aufsteigt.

VII

Ästhetikgeschichtlich läßt sich der Aufstieg der nationalen Differenz zum Argument vor allem an der «Querelle des Anciens et des Modernes» verdeutlichen, die, wie Hans Robert Jauß gezeigt hat¹², als Katalysator dieser Entwicklung gewirkt hat. Überhaupt ist die «Querelle» in ihrer epochalen Bedeutung für die Theorie der Moderne wie für die Ästhetikgeschichte des 17. und 18. Jahrhunderts kaum zu überschätzen. Bekanntlich hatte diesen sich auf ganz Europa ausdehnenden Streit um das Wertungsverhältnis zwischen Antike und Moderne 1687 Charles Perrault ausgelöst, indem er die Autorität der klassischen Antike in Frage stellte und das Zeitalter Ludwigs des XIV. gegenüber der augusteischen Klassik als gleichrangig bewertete. Der Widerspruch, den er damit bei Nicolas Boileau-Despréaux und anderen auslöste, veranlaßte ihn zu der programmatischen Abhandlung *Parallèle des Anciens et des Modernes en ce qui regarde les Arts et les Sciences* (1688—97). Vor dem Hintergrund eines neuen rationalistischen und naturwissenschaftlich orientierten Weltbildes, das für Perrault auf den Schultern von Kopernikus, Descartes und Pascal ruht, ist er sich der Überlegenheit der eigenen Zeit gegenüber der Antike auf dem Felde der Wissenschaften

¹¹ Vgl. Kemper 2004.

¹² Vgl. Jauß 1964; Jauß 1979. S. 67—106.